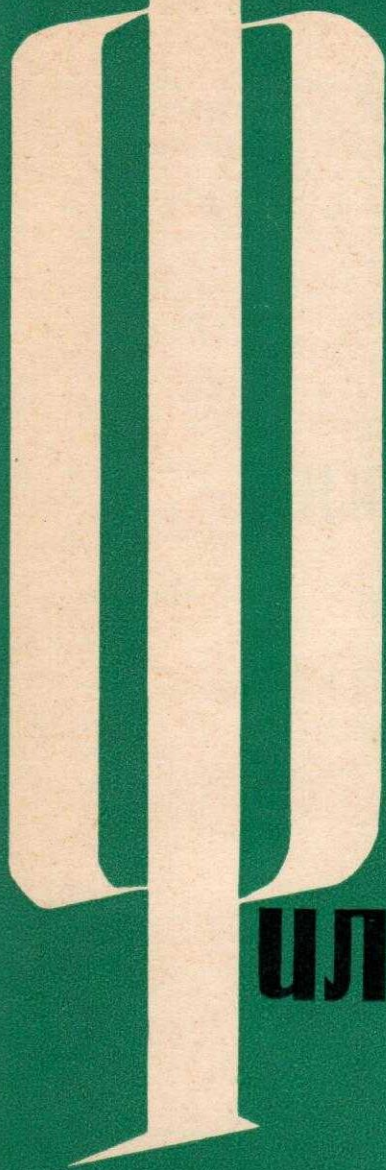

**ФЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

2

1968

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

2 (44)

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»

Москва

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

(Коллектив авторов: Бахмутский В. Я., Божор Ю. И., Буняев В. С., Виппер Ю. Б., Гейман Б. Я., Головенченко А. Ф., Гуляев Н. А., Домбровская Е. Я., Елизарова М. Е., Ингер А. Г., Колесников Б. И., Муравьева Н. И., Самохвалов Н. И.), Изд-во «Высшая школа», М., 1967

В последнее время литература века Просвещения все больше привлекает внимание наших исследователей. Так, большой интерес вызвала недавно дискуссия о просветительском реализме на страницах журнала «Филологические науки», заметным событием стала книга А. Елистратовой «Английский роман эпохи Просвещения», получила широкое признание серия сборников «XVIII век», издаваемая Институтом русской литературы. Несомненно, эти работы вместе с рядом других продвинули вперед разработку проблем просветительской литературы. В связи с этим назрела потребность в создании нового университетского учебного пособия по зарубежной литературе XVIII века.

Созданный большим коллективом авторов труд этот в целом, безусловно, может быть оценен положительно. Данное пособие отличается от других учебников, представляя собой цикл небольших монографических очерков, посвященных тому или иному писателю, реже — анализу развития определенного жанра или какого-либо литературного направления внутри отдельно взятой национальной литературы. Избранный авторами жанр творческих портретов позволил им, широко опираясь на результаты классических и новейших исследований, в более свободной литературной манере создать галерею выразительных портретов выдающихся мастеров западноевропейской литературы XVIII века.

В пособии четыре раздела: три крупных посвящены национальным литературам Англии, Франции и Германии, последний небольшой раздел — итальянской литературе. Написанное Н. А. Гуляевым общее введение кратко освещает исторические предпосылки Просвещения, дает общую характеристику этого могучего идейного движения, выделяя его типичные приметы: рационализм философии, идеализм во взглядах на историю и общество и т. д. Уже здесь проявляется внимание авторов к историческим особенностям эпохи, к мировоззренческой основе литературного процесса. Это обстоятельство отличает данный учебник от ряда его «предшественников» и значительно расширяет рамки той аудитории, которая прочтет эту книгу с пользой и интересом.

Открывая раздел «Английская литература», Б. И. Колесников предлагает довольно четкую периодизацию просветительской литературы в Англии. К сожалению, некоторые замечания автора вступления лишены такой четкости. Например, на стр. 36 в один ряд поставлены Шефтсбери и Мандевиль, хотя далее справедливо говорится о полярности их философских взглядов. Термин «деизм» применительно к английской философии прокомментирован недостаточно полно (см. стр. 37): ведь зарубежные историки философии к деистам относят и Толанда, и Коллинза, которые в нашей литературе именуется обычно «материалистами». С. Ричардсон неправомерно назван «зачинателем сентиментализма» (стр. 41).

Ценно то, что в английский раздел включены обзорные главы об английской журналистике XVIII века, о развитии драмы до Голдсмита и Шеридана, о сентиментальной поэзии.

Одним из лучших в книге представляется нам очерк покойной Н. И. Муравьевой о Л. Стерне. Об авторе «Сентиментального путешествия» написано ярко, живо; особен-

ности сентименталистской прозы выясняются на конкретных примерах. Очень уместен рассказ о двухвековых спорах вокруг Стерна. Остается пожалеть, что другие главы в книге лишены историографических замечаний.

А. Г. Ингер в главе о Т. Дж. Смоллете стремится дать цельное представление о писателе и потому даже не делит главу на отдельные параграфы, что в методическом отношении вполне оправдано. Весьма полно и интересно рассказано о Смоллете — журналисте, поэте и прежде всего романисте. Частые сопоставления с Фильдингом помогают выяснить своеобразие творческого облика Смоллета.

Обстоятельные главы посвящены Шеридану и Бернсу. Е. Я. Домбровская, говоря о жизни Шеридана, интересно рассказывает о парламентской деятельности писателя. Убедительно вскрыта связь между «Школой злословия» и комедией эпохи Реставрации, комедиями Мольера и Фильдинга. В главе о Бернсе Б. И. Колесников справедливо указывает на то, что благодаря великому шотландцу к английской поэзии возвращается после полутрагического перерыва такое свойство, как демократичность. Правда, о влиянии Бернса на дальнейшее развитие английской поэзии сказано чересчур скупое, а венчающее главу суждение о том, что «в настоящее время хранителем чистоты наследия Бернса является рабочий класс(?) Англии, Америки и других стран английского языка» (стр. 194), явная несправедливость по отношению к английской и шотландской интеллигенции.

Менее удачны главы о Дефо, Свифте, Ричардсоне и Фильдинге. Разумеется, для учебника отбираются устоявшиеся и общепринятые оценки, полемические гипотезы здесь мало уместны. Но популяризаторская задача вовсе не должна исключать научности, которая трудно совместима с обилием общих мест. Говоря о характере Робинзона Крузо, В. С. Буняев выделяет главным образом его предпринимательскую природу, почти не касаясь просветительского начала романа. Слишком бегло сказано о нехрестоматийных второй и третьей частях романа. Трудно согласиться с таким утверждением: «Роман Дефо — своеобразный очерк. В нем, несмотря на исключительность сюжета, все достоверно» (стр. 74). А срок пребывания на острове? Неужели и он достоверен? Не так уж неправ Я. Уотт, утверждая, что после 28 лет одиночества человек не мог, подобно Робинзону, остаться в здравом рассудке¹. Роман Дефо, действительно, отличается большая художественная правда, но она не из очеркового ряда.

Перепополнена хрестоматийными суждениями глава В. С. Буняева о Свифте. Говоря о романе «Путешествия Гулливера», автор оставляет без комментариев многие важные аллегории в этом гениальном произведении. Анализ художественных особенностей романа подменен набором комплиментарных фраз. Кратко пересказывая содержание нескольких свифтовских памфлетов и раскрывая содержащиеся в них политические намеки, автор ни слова не говорит о самом жанре памфлета. Лишенная объяснений, настораживает фраза: «Свифт был рационалистом» (стр. 81).

Н. И. Самохвалов в главе о Фильдинге сосредоточивает внимание на лежащей на поверхности полемике Фильдинга с Ричардсоном. А между тем, кроме момента отталкивания тут налицо и точки соприкосновения в эстетике двух романистов. Об этом свидетельствует и двойственное отношение Фильдинга к Ричардсону, сказавшееся с особой силой в «Ковент-гарденском журнале», и, наконец, роман «Амелия». Даже не упомянута в главе «Шамела» — первая пародия на роман Ричардсона «Памела, или вознагражденная добродетель».

Разбирая крупнейшее произведение Фильдинга — роман «История Тома Джонса, найденныша», Н. И. Самохвалов справедливо называет его «вершиной реалистического искусства» писателя. Но все внимание литературоведа почему-то приковывают лишь центральные персонажи (Джонс, Блайфил, Софи, Олверти, Вестерн), и он ничего не говорит о панорамном изображении английской жизни. А ведь это «роман большой дороги», в котором — здесь трудно не согласиться с Ральфом Фоксом — так сильно эпическое начало.

Французская художественная литература XVIII столетия в высшей степени философична, а общественно-политическая мысль Франции определяла передовую идеологический рубеж европейского Просвещения. Именно поэтому авторы французского раздела столь внимательны к общественно-политическим позициям литераторов. Подчас этот, сам по себе весьма положительный, момент оказался даже излишне развит количественно за счет основной темы книги. Например, в весьма содержательном очерке Ю. И. Божора о Монтескье «Персидским письмам», благодаря которым этот мыслитель, собственно, и вошел в историю художественной литературы, отведено всего полторы страницы из одиннадцати, в то время как рассмотрение гуманистических идей Монтескье заняло половину очерка.

Во французском разделе, как и в общем введении, дается характеристика социальной, классовой природы Просвещения, и здесь мы сталкиваемся с некоторой непоследовательностью и незавершенностью мысли. Проистекает это оттого, что авторы

¹ I. Watt, *The Rise of the Novel*, London, 1957, p. 87.

недостаточно учли то направление, которое приняло в последнее время изучение этой проблемы. В работах ряда советских ученых (А. З. Манфреда, Л. С. Гордона и др.) доказана необходимость расширить рамки укоренившихся представлений и видеть во французском Просвещении не только творчество «духовных вождей буржуазии» и идеологов мелкой буржуазии, но и значительную роль многочисленных и разнообразных представителей радикально-демократического крыла Просвещения. Один из авторов рецензируемого пособия Ю. И. Божор близок к этой точке зрения, утверждая, что прогрессивные идеи французского Просвещения «полностью не вкладываются в рамки буржуазной идеологии и политики» (стр. 225), но это единственное замечание подобного рода.

Следовало показать, что понятие о буржуазной идеологии уже понятия об идеологической подготовке буржуазной революции, в ходе которой принимали участие и выражали мировоззрения небуржуазных по своему облику масс третьего сословия.

Н. А. Гуляев в очерках о Руссо и Дидро отнюдь не чужд подобного понимания вопроса, но пользуется им недостаточно дифференцированно. Так, его утверждение о том, что творчество Руссо выражало «интересы и идеалы трудящихся масс — трудового крестьянства и ремесленных слоев населения Франции» (стр. 277), имеет достаточные основания; но когда мы читаем ниже о том, что Дидро «несмотря на присущую ему буржуазную ограниченность... отражал в своем творчестве интересы народных масс» (стр. 297), то чувствуем явную нивелировку, делающую непонятной причины разрыва между этими «друзьями-врагами». В общем введении поражают крайности в оценках: с одной стороны, «просветители были идеологами молодой, революционной буржуазии» (стр. 4), а с другой — «Мелье, Морелли и Мабли выступали как идеологи формирующегося рабочего класса» (стр. 17).

Ярко и содержательно написан В. Я. Бахмутским портрет Вольтера. Здесь выделяются по глубине мысли страницы, посвященные «Кандиду», четко очерчен облик Вольтера-гражданина. Вызывает возражение своей безоговорочностью тезис о том, что в мировоззрении фернейского патриарха революционная сторона брала верх над консервативной (см. стр. 241). Думается, что ни объективно, ни субъективно это не было так. Можно ли в данном случае основываться на письме Вольтера маркизу Шовлену 1764 г., говорящем о неминуемой революции? Ведь важно, дышало ли этим творчеством писателя! Не может говорить о революционности Вольтера и вражда, которой кончались его отношения с государями: от разочарования в поисках «философа на троне» до революционности еще очень далеко.

В этом отношении более справедливо судит М. Е. Елизарова — автор главы о Бомарше, утверждая, что «при всем революционном значении его творчества о последователе революционной идеологии у Бомарше говорить не приходится» (стр. 321). Вообще глава об авторе «Женитьбы Фигаро» написана интересно, с учетом специфики студенческой аудитории. Убедительно раскрыта, в частности, обобщающая сила образа Фигаро.

Завершает раздел краткая, но содержательная глава Ю. И. Божора о литературе Великой французской революции. Некоторым преувеличением, правда, является суждение о том, что М.-Ж. Шенье в трагедии «Гай Грахх» пропагандировал идеи социального равенства (см. стр. 333). Скорее, он выступал против крайностей имущественного неравенства, что далеко не одно и то же. Применительно к А. Шенье следовало бы говорить о победе в его взглядах не роялистской (т. е. феодально-абсолютистской) идеологии, а монархической, ибо, как верно сказано в тексте, его идея — умеренная конституционная монархия. Ничего не сказано о судьбе жанра романа в годы революции.

Нельзя не пожалеть об отсутствии раздела, освещающего развитие во Франции в XVIII веке жанра утопии; многие из книг этого характера относились к области художественной литературы, представляя собой разновидность просветительского философского романа. О необычайной популярности утопической литературы во Франции в XVIII в. дает полное представление книга: W. Krauss, *Die Reise nach Utopie*, Berlin, 1964.

Принцип историзма выдержан в композиции раздела о немецкой литературе. Вполне оправдано выделение двух глав о Гёте и двух глав о Шиллере с учетом эволюции художников на разных этапах их творчества (так, кстати, поступают и авторы второго тома академической «Истории немецкой литературы»). В небольшом вступлении охарактеризованы специфика задач и исторические границы немецкого Просвещения.

В главе о Шиллере-штюрмере (автор Н. А. Гуляев) анализируются жанровые признаки шиллеровской трагедии. Разговору о Шиллере-классике и позднем Гёте закономерно предшествует лаконичная характеристика «веймарского классицизма».

Четкостью мысли, концептуальностью привлекают две главы о Гёте, принадлежащие перу Б. Я. Геймана. Автор опирается на многочисленные источники и на достижения отечественной и зарубежной гётеаны. Примечательно, что все это вовсе не вредит ясности, доступности изложения. Целиком обосновано выделение в специальную главу анализа «Фауста».

Отдельные места в немецком разделе вызывают критические замечания. Эстетика Винкельмана заслуживает специальной (пусть небольшой) главы; такой главы нет, а в очерк о Лессинге неожиданно вклинивается страница, посвященная Винкельману. Аналогичным образом в главу о Клингере «подверстаны» Ленц, Бюргер, Шубарт. Вряд ли это обосновано как в композиционном, так и в смысловом отношении. Останавливаясь на жизни Лессинга, Н. А. Гуляев полностью опускает такой важный момент, как отношения Лессинга с Вольтером. Несколько переоценивается тем же автором «революционный» характер поэзии штюрмеров.

Немного скомканным выглядит раздел об итальянской литературе, занимающий всего 27 страниц. Речь здесь идет о творчестве трех крупнейших литераторов итальянского Просвещения: драматургов Гольдони и Гоцци и поэта Альфьери. Краткое введение почему-то ограничивается лишь характеристикой «комедии масок».

Наиболее полная из трех глав глава о Карло Гольдони — реформаторе итальянского театра. Хорошо, что Ю. И. Божор говорит о заслугах советской науки в изучении драматургии Гольдони; непонятно лишь, почему в перечне исследователей не фигурирует имя Б. Г. Рейзова. Из поля зрения автора совершенно выпала знаменательная комедия Гольдони «Мольер». Недостаточно сказано и о значении шекспировской комедии для формирования Гольдони-драматурга.

Раздел о Гоцци не дает более или менее полного представления о его драматургии. Весьма неясно сказано и о самом жанре «фьябы». Нельзя было выпустить из виду и необычайную мировую популярность Гоцци (некогда известного лишь в Венеции) в XX веке.

Если краткость итальянского раздела можно признать вынужденной, то никак нельзя понять, почему авторы учебника обошли молчанием творчество ряда крупных французских и английских писателей XVIII века. Ничего не сказано, например, о Блейке, Годвине, Мариво, аббате Прево, Бернардене де Сен-Пьере. По существу не охарактеризовано такое важное явление в литературе XVIII века, как предромантизм.

В очерке Ю. И. Божора о Монтескье с интересом читается параграф «Монтескье в России», в некоторых главах (например, в эссе Муравьевой о Стерне) содержатся замечания аналогичного характера. Быть может, имело смысл ввиду важности проблемы «Зарубежные просветители и Россия», посвятить ей особую главу в конце книги.

На страницах пособия часто фигурируют такие понятия, как «революционность», «реализм», но, увы, не с одним и тем же смысловым наполнением. К примеру, некоторые авторы именуют реализмом одно из литературных направлений века (см. стр. 17), для других — это «художественный метод писателя» (стр. 86, 159 и пр.), так сказать, тип творчества. Здесь не место спорить о том, что есть реализм, ясно одно: в учебнике термины должны употребляться однозначно и подобный разнобой недопустим.

Этот и другие примеры говорят о том, что книга много бы выиграла при наличии ответственного редактора, особенно необходимого в работе столь большого авторского коллектива. Быть может, рука редактора помогла бы устранить и ряд ненужных повторений, а также фактические неточности, которые, к сожалению, имеют место. Укажем на некоторые из них.

Приводя даты жизни Дефо, В. С. Буняев со всей категоричностью указывает год рождения — 1661. На самом же деле биографы писателя не располагают точными сведениями на этот счет и, как правило, указывают (под вопросом) на 1660 год. В подражание Сервантесу написаны, строго говоря, не все «комические эпопеи» Фильдинга (см. стр. 103), а только «Джозеф Эндрюс». «Эмиль» Руссо был сожжен по постановлению не «французского парламента» (стр. 294) — такого тогда вообще не существовало, — а парижского. Гольдони обучался в Павии не в университете (см. стр. 499), а в папской коллегии. Непонятно, почему аристократ Шефтсбери попал в «буржуазные апологеты» (стр. 106). Вряд ли можно назвать «Смерть Цезаря» и «Заиру» Вольтера «переработками трагедий Шекспира «Юлий Цезарь» и «Отелло».

Удивительна русская транскрипция многих иностранных имен: Ловлейс (стр. 91), Хэзлитт (стр. 93), Уолполл (стр. 96, 99), Л. Стифен (стр. 120), Троллибер (стр. 105), Каласс (стр. 238), число примеров можно умножить. В университетском учебнике, думается нам, следовало бы в скобках приводить и имена, и названия произведений в оригинале.

Известно, что всякий рецензент придирчив, рецензенты учебных пособий — вдвойне. Вновь подчеркивая наше положительное впечатление от книги в целом, мы сознательно остановились главным образом на ее недостатках, многие из которых, несомненно, можно будет устранить при повторном издании. А таковое, полагаем, скоро понадобится, так как книга уже нашла своего читателя.

В. С. АЛЕКСЕЕВ-ПОПОВ, М. Г. СОКОЛЯНСКИЙ
(Одесса)

Последней из работ, известных автору этих строк, является большое исследование Problems in the analysis of Idioms.

У Вейнрейха каждая новая работа была логическим продолжением предыдущей и выделяла, уже для специального и углубленного исследования, какую-то одну из различных сторон предмета, особенно сложную и особенно настоятельно требующую более детального и углубленного рассмотрения. Не будет преувеличением сказать, что по характеру трактовки, которую здесь получает проблема идиоматичности и анализа «идиоматических построений», эта работа далеко выходит за рамки всего, ранее сделанного в этой области.

Безвременная кончина Уриеля Вейнрейха — большая потеря для различных отраслей нашей науки, и особо ощутима она для новых научных направлений.

О. АХМАНОВА
(Москва)